

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Региональный аспект политики памяти в России – масштабирование и акторы. Задачи и структура монографии (<i>А.И. Миллер, К.А. Пахалюк</i>).....	5
Глава 1. «В поисках русской древности»: политика памяти в регионах Центральной России (<i>К.А. Пахалюк</i>)	24
Глава 2. Политика памяти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: акторы, практики, нарративы (<i>А.Ю. Павловская</i>)	101
Глава 3. Политика памяти в Калининградской области (<i>И.О. Дементьев</i>)	137
Глава 4. Политика памяти в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока (Иркутская область, Республика Бурятия, Хабаровский край) (<i>Д.В. Ефременко</i>)	176
Глава 5. Политика памяти на Урале и в Западной Сибири (на примерах Пермского края, Свердловской, Томской, Новосибирской областей и Алтайского края) (<i>О.Ю. Малинова</i>)	231
Глава 6. Память на Волге: актуализация прошлого и политика памяти в Поволжье (<i>А.А. Воронович</i>)	267
Глава 7. Политика памяти в южных регионах России (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края) (<i>А.И. Миллер</i>)	298
Глава 8. Конструирование идентичности: учебники истории на Северном Кавказе в «боях за историю» (<i>Е.Ф. Кричко</i>)	335

Глава 9. Памяти о репрессиях в российских регионах: четыре тенденции (<i>Д.О. Хлевнюк</i>)	366
Глава 10. Памятники России как индикатор исторической политики: 1991–2021 гг. Региональное измерение (<i>В.В. Лапин, А.Б. Матисова</i>)	401
Заключение. Репертуар актуального исторического прошлого в региональных политиках памяти: общее и особенное (<i>О.Ю. Малинова, А.И. Миллер</i>)	444
Сведения об авторах.....	468
Information about authors.....	469
Summary	470

ВВЕДЕНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ – МАСШТАБИРОВАНИЕ И АКТОРЫ. ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА МОНОГРАФИИ

(*А.И. Миллер, К.А. Пахалюк*)

Интерес исследователей к политике памяти в России сильно вырос в последние 15 лет, что совпало со значительными изменениями в политике памяти и возрастанием ее интенсивности. Причем каузальная связь между этими явлениями не односторонняя. Отчасти, исследования политики памяти способствовали лучшему пониманию механизмов ее функционирования политиками и администраторами, во всяком случае, их возросшему вниманию к этим вопросам. Как следствие, они способствовали той интенсификации и росту значимости политики памяти в общей повестке, которая и снабжает исследователей все более обширным новым материалом.

Это сопровождалось интенсивным обогащением методологического инструментария изучения данной проблематики. Одно из важных изменений в оптике исследователей было связано в последние годы со сдвигом внимания от нарративов и мест памяти, а точнее сказать, с дополнением внимания к этим аспектам темы фокусом на мнемонических акторах и их взаимодействиях¹. Ло-

¹ Entangled memory: toward a third wave in memory studies / Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimcev R. // *History and Theory*. – 2014. – Vol. 53, N 1. – P. 24–44 ; *Миллер А.И.* Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университе-

гичным следствием такой коррекции перспективы стал все возрастающий интерес к локальному и региональному измерению политики памяти вообще¹, и в России, в частности, в том числе к взаимовлияниям и взаимодействиям общефедеральных и локальных акторов².

Почти каждое понятие, использованное в предыдущей фразе, влечет с собой целый ряд методологических и терминологических вопросов. Как определять локальное и региональное, можно ли просто положиться в этом вопросе на существующее административное деление? Или регионы как единицы исследования не должны, по крайней мере не всегда должны, совпадать с регионами – субъектами федерации? Если не всегда, то как определять границы изучаемых регионов, чем мы должны при этом руководствоваться, как та или иная наша воображаемая география может повлиять на программу исследования и его результаты? Как провести грань между общефедеральными и локальными акторами, всегда ли это вообще возможно, какие интерфейсы их связывают, как изучать структуру их взаимодействия? Что происходит с перемещением символов памяти из локального контекста в общефедеральный? Можем ли мы говорить о формальных и неформальных сетях мнемонических акторов, в которых понятия

та в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 8–25 ; Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. А. Миллера, Д. Ефременко. – Москва : Нестор-История, 2018. – 224 с.

¹ Среди важнейших работ по этой тематике отметим: *Agular P.* Unwilling to Forget: Local Memory Initiatives in Post-Franco Spain // *South European Society and Politics.* – 2017. – Vol. 22, Iss. 4. – P. 405–426 ; *Törnquist-Plewa B.* Cosmopolitan Memory, European Memory and Local Memories in East Central Europe // *Australian Humanities Review.* – 2016. – Iss. 59. – P. 136–154 ; *Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World / ed. by M. Beyen, B. Deseure.* – London : Palgrave Macmillan, 2015 ; *Clancey G.* Local Memory and Worldly Narrative: The Remote City in America and Japan // *Urban Studies.* – 2004. – Vol. 41, N 12. – P. 2335–2355 ; *Defining Memory: local museums and the construction of history in America's changing communities / ed. by A.K. Levin.* – Lanham, NY ; Toronto, Plymouth : AltaMira Press : Rowman & Littlefield Publishers, 2007 ; *Behr V.* When Local Memory Confronts State Historical Policy: Staging Edward Gierек's Life in Sosnowiec // *Cultures of History Forum.* – 2018. – DOI: 10.25626/0088

² *Wilmers L.* The Local Dynamics of Nation Building: Identity Politics and Constructions of the Russian Nation in Kazan and Ekaterinburg // *Nationalities Papers.* – 2022. – P. 1–22.

локального и общедоказательного размываются?¹ Как соотносятся общедоказательный и местные нарративы, какова динамика их взаимодействия с учетом принятия федерального историко-культурного стандарта и других мер, интенсивно влияющих в последние годы на эту сферу? Какую роль играют в политике памяти этничность, связанные с ней акторы и институты – как официальные, включая автономные республики и округа, так и неофициальные, действующие в среде этнических сообществ? Как в разных регионах мобилизуются (или не мобилизуются) различные темы и периоды прошлого, какова «глубина» памяти у разных групп в разных обстоятельствах? Какие местные акторы и институты должны быть включены в программу исследования?

Наша книга предлагает некоторые решения этих методологических и терминологических вопросов, сформулированные в ходе работы над коллективной монографией и предшествовавшим ей большим проектом о политике памяти в России².

¹ Например, как описать сеть организаций «Мемориал» (запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента), включающую несколько десятков локальных «Мемориалов», имеющих статус самостоятельных юридических лиц? Или как описать сети казачьих и ветеранских организаций, играющих большую роль как мнемонические акторы на местах и при этом имеющих общедоказательные структуры? Или как описать сеть парков «Россия – моя история», имеющих московскую дирекцию, но пользующихся с определенного времени широкой автономией?

² В состав постоянных участников семинара, организованного в Центре исследований культурной памяти и символической политики ЕУ Санкт-Петербург, где обсуждались эти вопросы, вошли, кроме авторов этой статьи, участники проекта РФ «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий», законченного в 2021 г., А.А. Воронович, Д.В. Ефременко, В.В. Лапин, А.А. Плеханов, А.Ф. и А.Ю. Павловские, Д.О. Хлевнюк, а также Е.Ф. Кринко. В работе над проектом проведено более 100 полуструктурированных экспертных интервью. В ссылках на интервью указывается номер региона (используется общероссийский классификатор административно-территориального деления объектов – ОКATO), который представляет эксперт, и порядковый номер эксперта (в каждом исследуемом регионе бралось три и более интервью). Во всех случаях, когда мы отступаем от принципа анонимности эксперта, мы запрашивали у него / нее письменное согласие.

Региональный подход в поиске масштаба и парадигмы

Среди методологических вопросов, связанных с изучением политического использования прошлого, один из самых сложных – вопрос «масштабирования» политики памяти в процессе ее функционирования и изучения. Многообразие подходов к этой проблеме в *memory studies* почти безгранично, различаются основания для ее решения у разных исследователей, нет даже устоявшейся терминологии для их описания. И это неудивительно, ведь определение «регион» – предмет долгих дискуссий даже в регионоведении¹. Отметим, что в 1990-е годы и в начале 2000-х историки столкнулись со схожими проблемами, связанными с недостаточной проработкой понятия «регион» и недостаточной рефлексией относительно воображаемой географии и ментальных карт². На сегодня самым основательным «высказыванием» по вопросу о масштабировании исследований памяти можно считать концепцию *multiscalarity*, предложенную Энн Ригни и ее соавторами³. Это своего рода приглашение к разговору, и наша книга вносит в него свою лепту.

Говоря о макромасштабе, сегодня часто имеют в виду «глобальную память» или память в масштабе макрорегионов, включающих ряд стран. Например, «европейская память», «память Центральной и Восточной Европы» (или «посткоммунистической Европы»), Кавказа, Балкан. Границы, названия, семантическая нагруженность таких макрорегионов отличаются у разных исследователей и в разных контекстах. Ясно, что мы имеем дело с «воображаемой географией», «ментальными картами» и когда говорим о макрорегионах, и когда речь идет о «глобальном» масштабе, потому

¹ Китинг М. Новый регионализм в Европе // Логос. – 2003. – № 6. – С. 67–116 ; Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale // Progress in human geography. – 2004. – Vol. 28, N 4. – P. 536–546.

² Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней : обзор литературы // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 6. – С. 42–61 ; Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 6. – С. 18–33 ; Miller A. Between Local and Interimperial: Russian Imperial History in Search for Scope and Paradigm // Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History. – 2004. – N 1. – P. 5–19.

³ Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / De Cesari C., Rigney A. – Berlin : De Gruyter, 2014.

что в этом случае все равно за понятием «глобальный» неизменно скрывается избирательность, что-то (и кто-то) непременно выпадает из поля зрения как «неважное».

Кажется, «волюнтаризм» этой ситуации преодолевается при переходе к более привычному масштабу – «национальной памяти», то есть памяти, доминирующей в масштабе государства, которое это доминирование и обеспечивает. Такой масштаб преобладает, в частности, в знаменитом проекте «Места памяти» Пьера Норá и его репликах, созданных на материале других стран. Такой масштаб находится в центре нашего внимания, когда мы изучаем обращение к прошлому в речах первых лиц государства, памятные даты государственного календаря, государственные школьные учебники, мемориальные комплексы и музеи государственного подчинения, спонсируемую государством культурную продукцию и все, что формирует национальный нарратив.

Это подводит нас к другому полюсу на шкале масштабирования исследований памяти, которому уделяется все больше внимания в последние годы, и который можно условно обозначить как локальный или *микромасштаб*. Здесь мы имеем дело с эффектом «матрешки». В качестве объекта исследования может выступать субъект федерации с областной, краевой или республиканской администрацией, но он неизменно включает в себя ряд городов и более мелких населенных пунктов с их муниципальными властями. На этом уровне в фокусе внимания оказываются, как правило, взаимодействия местных акторов, которые описываются как «региональные», «локальные», или «групповые» – областных или муниципальных администраций, мобилизованных этнических сообществ, групп активистов и НПО.

Эти акторы, как уже было показано выше, зачастую находятся в сложных отношениях между собой и вступают при этом в диалог, торг, в результате чего формируются структурные взаимосвязи с общегосударственными структурами и другими мнемоническими акторами за пределами региона. Классификация акторов как региональных, локальных или федеральных часто излишне упрощает дело.

С другой стороны, там, где государство видит существенный потенциал локальных структур, оно стремится создать центральный орган для их контроля. Пример – наличие специального подразделения АП РФ по делам казачества. Весьма вероятно, что АП РФ опосредованно контролирует и созданный в знаковом

2014 г. «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья», который стремится вовлечь нереестровых казаков.

Другой пример из сферы взаимодействия центра и локальных акторов – приобретающая все большее значение система президентских грантов для реализации различных проектов. Политика памяти занимает в «меню» АП весьма существенное место. Как отмечают многие эксперты, локальные акторы все больше выстраивают свою деятельность и ее репрезентацию в расчете на то, чтобы получить президентские гранты, которые не только важны с финансовой точки зрения, но и дают локальным акторам престиж и легитимацию в глазах местных властей.

Микромасштаб изучения политики памяти весьма плодотворен, он позволяет увидеть массу подробностей, остающихся в тени при фокусе на общенациональном уровне. Именно здесь полнее раскрываются возможности акторно-ориентированного подхода. Но у микромасштаба есть и существенные ограничения. Он сужает контекст и, как правило, не включает в число приоритетов сравнительный подход, рассматривая каждый случай через подчеркивание его особенности.

Если задача исследования заключается в том, чтобы представить ландшафт политики памяти в России в целом с учетом наиболее важных региональных особенностей (а мы ставим именно такую задачу), то очевидно, что нельзя пойти путем простого сложения мозаики из 89 исследований, посвященных каждому из субъектов федерации в отдельности. Взаимосвязи и взаимовлияния регионов выпадают из фокуса исследования, если оно спланировано таким образом. В целом необходимо найти некий промежуточный масштаб между национальным и локальным, который позволит полнее изучить процессы взаимодействия мнемонических акторов разного масштаба.

Эти два полюса масштабирования, общенациональный и локальный (в смысле фокуса на отдельном субъекте федерации или более мелких пространствах взаимодействия), необходимо дополнить «мезоуровнем», когда в фокусе внимания оказываются кластеры, состоящие из нескольких регионов. Мезомасштабирование отчасти преодолевает тотальную зависимость от официального административного деления – границы страны и субъектов федерации при таком подходе, конечно, учитываются, но мы не определяем изучаемые кластеры, например, границами федеральных округов.

Выделение тех или иных кластеров становится при этом непростой и творческой задачей. Стратегии формирования кластеров учитывают целый ряд факторов, в том числе географическую близость регионов, сходство их исторического опыта, сравнимость и взаимосвязанность их повестки в сфере политики памяти. При этом меняя границы и состав такого «мезорегиона», включая в него разные субъекты федерации, мы задаем исследованию разные приоритеты и перспективы.

Возьмем в качестве примера регионы Юга России. Можно выделить в особый кластер те регионы, в которых большое внимание уделяется в политике памяти казачьей проблематике – Краснодарский, Ставропольский края, Ростовскую и Волгоградскую области. В рамках такого кластера большое значение приобретает тема рассказывания в ходе Гражданской войны. Общим для этих регионов является опыт боевых действий и оккупации в ходе Великой Отечественной войны. Пересечение темы Великой Отечественной войны и темы казачества создает в так определенном мезорегионе сходные проблемы для политики памяти. Но стоит нам расширить кластер регионов, включив в него республики Северного Кавказа, на первый план выйдет тема памяти Кавказской войны и роли в ней казачества, которая для Ростовской и Волгоградской областей достаточно периферийна. Этот механизм будет работать и в других случаях, когда от решения, какие субъекты федерации включить в изучаемый в данном случае регион, будет зависеть и то, какие темы политики памяти выйдут в этом исследовании на первый план, какие сравнения будут актуализироваться в рамках этого исследования.

При принятии решений о формировании кластеров регионов важным критерием неизменно является история: время и механизмы включения данной территории в состав России, то, как население региона было затронуто наиболее драматичными событиями – войнами, вынужденными миграциями. Мы также должны учитывать, что границы многих регионов и их статус существенно менялись в советский и даже в постсоветский период, и это нередко является важной составляющей современной политики памяти. С другой стороны, часто можно наблюдать, как относительно недавно созданные административные образования конструируют собственную многовековую историческую традицию.

Понятно, что центральные области, вошедшие в состав Московского государства в рамках процесса, называемого в учебниках «собираем земель» вокруг Москвы, имеют во многом схожий

набор исторического наследия, опыта, близки по размерам и относительной этнической однородности населения. Что не отменяет специфики, связанной с наличием / отсутствием опыта оккупации в годы Великой Отечественной войны или относительно долгого пребывания в составе других государств в более далеком прошлом. Крайние регионы имеют свою специфику, определенную историей включения в состав империи, особенностями демографической ситуации и ее динамики в прошлом и настоящем. В современных условиях резко осложнившейся международной обстановки пограничный характер регионов оказывает существенное влияние на политику памяти, интенсивнее вовлекает в нее внешних акторов. В политике памяти центральной власти эти различия, конечно, учитываются – достаточно посмотреть на карту размещения уже открытых парков «Россия – моя история», чтобы увидеть, что в центральных регионах, кроме Москвы, есть только парк в Нижнем Новгороде, а подавляющее большинство из 23 парков открыты в периферийных регионах, где федеральный центр видит больше вызовов для государственной политики памяти.

Мы отмечаем, что прошлое и политика памяти влияют на то, как выстраиваются кластеры, но верно и то, что, сформировав кластер определенным образом, мы «подсвечиваем», акцентируем значение одних элементов в прошлом и в политике памяти, снижая значение других. Этот сложный механизм взаимовлияния, став предметом методологической рефлексии, может открыть нам новые, эвристически весьма плодотворные перспективы и способы сравнительного анализа, который осуществляется и между регионами, включенными в один кластер, и между кластерами в целом. Помимо сравнения, такой подход позволяет увидеть взаимовлияние соседних регионов, то есть включить перспективу взаимосвязанных процессов и трансферов. Этот подход позволяет поставить в центр внимания ту проблематику, которая остается за пределами нашего рассмотрения, если мы фокусируем свое внимание на сугубо локальных сюжетах или на проблеме взаимодействия региональных акторов с центром.

Федеральные и локальные акторы

Прояснение особенностей взаимодействия федерального центра и регионов в области политики памяти вызывает ряд методологических трудностей, поскольку оба уровня не так просто от-

делить друг от друга. Производство «общефедерального» невозможно без его локализации «на местах», а изучение особенностей коммуникации по линии «центр – регион» требует инсайдерской информации. Равным образом «борьба за интерпретации» (конкуренция нарративов) является формой, посредством которой могут решаться совершенно разные задачи – от вопросов политической легитимности и обеспечения территориальной целостности страны до расширения государственного финансирования, повышения туристической привлекательности, стимулирования экономической активности, решения социальных проблем.

Другая проблема заключается в сложности выделения формальных критериев, позволяющих разграничивать федеральных и региональных акторов. Например, для музеев не всегда работают ведомственная принадлежность (так, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, как и Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, посвящены региональным сюжетам, однако находятся в подчинении федерального министерства культуры) и территориальное расположение: по содержанию экспозиций к региональным музеям сложно отнести Калужский музей космонавтики (впрочем, как и петербургский Эрмитаж или екатеринбургский Ельцин Центр). Не меньшую сложность вызывают и те государственные, общественные и общественно-государственные организации, которые при наличии головного офиса в Москве имеют множество региональных отделений / представительств, а потому не всегда очевидно, являются ли последние агентами реализации федеральной политики или, наоборот, преследуют прежде всего собственные интересы. Потому важно учитывать прагматику поведения: ставит ли тот или иной актор целью формирование общероссийской памяти (другой вопрос – насколько ему это удастся) или изначально ограничивается неким регионом. На практике приходится фиксировать достаточно сложную сеть взаимодействия как между центром и субъектами федерации, так и между самими регионами.

Начиная с середины 2000-х годов по мере активизации политики памяти мы наблюдаем вполне осознанные усилия федерального центра по формированию «единого исторического пространства», которые, помимо удержания общероссийской медийной повестки, выражались в расширении набора институциональных и символических механизмов взаимодействия с регионами с тем, чтобы сделать «единое историческое пространство» стабильным, а производимый общенациональный нарратив – более «заземлен-

ным» и устойчивым. Перекос в сторону увеличения каналов взаимодействия, намеренное масштабирование отдельных практик (больше однотипных мероприятий, памятников и структур) и централизация распределения финансовых ресурсов – все это позволяет утверждать, что решение прагматических задач оттесняет на второй план производство культурных смыслов.

В поле зрения органов государственной власти в регионах прежде всего находятся вопросы охраны объектов культурного наследия и повышения туристической привлекательности вверенных им территорий, включая исторический кластер. Целый спектр различного рода федеральных программ, а также юбилейных комитетов (100-летие Первой мировой войны; 100-летие со дня рождения А.И. Солженицына и пр.) задают актуальную повестку, в которую каждый регион может постараться вписаться, в т.ч. и получить финансирование, причем уровень проектов разнится от отдельных выставок, книг и публичных мероприятий до создания музеев и масштабных проектов благоустройства. Регионам остается улавливать пожелания центра и вписываться в предлагаемую повестку, что затрудняет как актуализацию «сложного прошлого», включая любые потенциально конфликтные вопросы, так и продвижение самостоятельной повестки. По сути, это является частным проявлением ключевой особенности построения вертикали власти: концентрация финансовых ресурсов в центре приводит к конкуренции региональных правительств за их распределение, а сами они подобным образом выстраивают отношения с муниципалитетами. Сама система заставляет оставлять в стороне то, что может вызвать конфликт или недопонимание, а потому помешать достижению прагматических целей.

Нарастающая практика присутствия федерального центра в регионах связана с реализацией крупных мемориальных проектов, которые по задумке властей призваны стать общенациональными символами. В 2010-е годы также наметилась тенденция (пере)подчинения местных музеев федеральным, находящимся в Москве. Важная роль принадлежит *координирующим комиссиям*, которые формируются к той или иной юбилейной дате. Прообразом является постоянно действующий Российский организационный комитет «Победа». На основании указа или распоряжения президента формируется рабочая группа из представителей различных федеральных ведомств и заинтересованных организаций, куратором выступает высокопоставленный чиновник-тяжеловес. Делается рассылка по государственным и муниципальным органам власти,

учреждениям культуры, архивам, университетам и прочим бюджетным организациям с просьбой предоставить возможные мероприятия в общий план, который по мере сведения одновременно символически фиксирует «единство усилий» (точнее – синхронность), повышает символическую значимость конкретных локальных мероприятий, а также обеспечивает механизм контроля за заявленными предложениями, стимулируя региональных чиновников выполнять взятые на себя обязательства. Сложно в полной мере оценить эффективность подобных механизмов ввиду отсутствия открытых данных о результатах, однако уже тот факт, что по итогам 2014 г. почти в каждом регионе появился некий сборник документов или книга про участие этого региона в Первой мировой войне, свидетельствует об осязаемых плодах этой деятельности.

Еще один способ взаимодействия, лишь только на первый взгляд близкий описанному выше, заключается в праздновании юбилеев основания городов и республик, когда значимость признается указом президента и федеральный центр выделяет значительное финансирование на инфраструктурное и экономическое развитие, включая историческое наследие.

Наиболее последовательно историческая унификация продвинулась в сфере среднего образования: после введения в конце 2000-х годов ЕГЭ по истории России неизбежной стала выработка единого стандарта преподавания этого предмета. Идея единого учебника среди прочих была высказана и В.В. Путиным 19 февраля 2013 г. на заседании Совета по международным отношениям. Она отражала обеспокоенность содержанием региональных учебников в автономиях. Спротивление широкой общественности идее единого учебника истории заставило ограничиться введением Историко-культурного стандарта (ИКС), разрабатывавшегося с 2012 г. под эгидой Минобрнауки, Российского исторического общества и РАН (т.е. федеральных акторов и преимущественно московских историков). С 2015 г. все учебники и контрольно-измерительные материалы должны ориентироваться исключительно на него. Это привело к некоторой стандартизации образования и сокращению количества официально одобренных учебников: если в 2013 / 2014 учебном году их было 235, то в 2014 г. осталось 65 (ввиду новых стандартов образования), а после введения ИКС – 45, к концу 2020 г. число увеличилось до 69¹.

¹ Гагкуев Р.Г. Учебники истории. Взгляд через Федеральный перечень учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом. – Москва ;

Другой важный механизм – формирование «почетных исторических перечней» – присвоение президентом отдельным городам почетных званий Города воинской славы (с 2007 г.) и Города трудовой доблести (с 2020 г.). Это предполагает систему намеренно и отчасти искусственно создаваемой конкуренции регионов (а точнее – органов исполнительной власти) перед федеральным центром в признании «своих» заслуг, вернее, значимости каких-то событий на их территории. В случае успеха полученный статус выражается в соответствующих упоминаниях на официальных мероприятиях, строительстве стелы Города славы / Города трудовой доблести с высеченным президентским указом и барельефами, отражающими славные страницы прошлого (здесь уже региональные элиты имеют простор для отбора локального материала), а также в участии в межрегиональных патриотических проектах под эгидой Союза городов воинской славы¹.

Куда более «сильный» способ координирования предлагают федеральные акторы исторической политики, создающие сеть региональных отделений и тем самым – *механизмы лоббирования местных интересов перед центром и структурирования местной повестки под видение центра*. Речь идет прежде всего о Российском историческом обществе и Российском военно-историческом обществе. Опора на научную общественность, с одной стороны, позволяет местную научную и просветительскую активность маркировать логотипом РИО, а с другой – дает возможность местным научным кругам лоббировать собственные интересы. В частности, с РИО теснейшим образом аффилирован фонд «История Отечества», который ежегодно распределяет гранты физическим и юридическим лицам на издание научных и научно-популярных книг, а также проведение конференций. В июле 2021 г. Общество получило право выступать посредником между региональными научными кругами и министерством науки и высшего образования: распоряжением министра ему присвоили статус «центра ответственности по планированию и формированию контрольных цифр приема по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки по

Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – Вып. 4 / под ред. К.А. Пахалюка. – С. 7–27.

¹ Союз городов воинской славы. – URL: <https://srgvs.ru/> Все это сложно квалифицировать как политику памяти, если понимать под ней производство региональных идентичностей и культурных смыслов. Перед нами имитация в форме бюрократической игры за право особой сопричастности к героической славе отечества.

истории и археологии»¹. За этой тяжеловесной бюрократической формулировкой скрываются вполне значимые полномочия влиять на то, сколько бюджетных мест получают региональные вузы на подготовку будущих историков. РВИО в большей степени опирается в регионах на представителей общественности, бизнеса и политических элит², которые могли бы собственные проекты репрезентировать в качестве мероприятий Общества и по мере возможности использовать дополнительный официозный статус – статус председателей региональных отделений – для продвижения собственных интересов.

Если ключевые мероприятия, которые поддерживает РИО, это региональные научные конференции, видеофильмы и книгоиздание, то РВИО ориентируется на организацию в регионах военно-исторических лагерей, софинансирование реконструкторских фестивалей (в условиях пандемии 2020–2021 гг. это направление просело), а также нескольких крупных научно-практических конференций в Москве с приглашением ученых и учителей истории из регионов. РВИО наиболее известно широко развернутой военно-мемориальной деятельностью, которая нередко вызывает споры и широкие дискуссии. Так, с 2013 по май 2021 г. усилиями федеральной исполнительной дирекции установлены 272 памятника (включая мемориальные стелы, аллеи и бюсты), из них 20 – за рубежом. Стоит отметить, что все эти памятники установлены силами федеральной исполнительной дирекции, а потому могут рассматриваться как активность федерального актора в регионах.

Если РИО и РВИО выстраивают отношения с узкосегментированным кругом региональных игроков на поле «актуальной истории», то третий федеральный актор – Фонд президентских грантов – ориентирован на *поддержку совершенно разных местных инициатив*. С 2017 г. он дважды в год выделяет средства по 13 направлениям, одно из которых так и называется «сохранение исто-

¹ *Нарышкин С.* Кого учит история. Высшее историческое образование в современных условиях: проблемы и перспективы // Родина. – 2021. – 02.08. – URL: <https://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-ivlaietsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-ivlenij.html>

² *Лапин В.В.* Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 74–95.

рической памяти». Отбор проектов осуществляется через независимую экспертизу, региональные власти не имеют на нее прямого влияния. Естественно, многое зависит как от качества заявок, так и от степени конкуренции. К сожалению, сайт ФПГ не публикует ни подробную документацию, ни материалы экспертизы, ограничиваясь краткими сведениями о заявках, победителях и суммах финансирования. Отсутствие детализированных смет делает невозможным полноценный анализ деятельности этого мнемонического игрока, однако открытые данные все же позволяют сделать выводы о том, кто в основном получает средства и какие темы стали приоритетными. Так, в центральных регионах ФПГ отдавал предпочтение проектам военной, исторической или церковной направленности, связанным с событиями Великой Отечественной войны или более ранними вооруженными конфликтами. С точки зрения локализации поддержку получали те мероприятия, проведение которых имело либо общерегиональный, либо локально-муниципальный характер, а не ограничивалось только региональными столицами. Ключевые получатели грантов – региональные (а не региональные отделения общероссийских) организации, однако большая часть организаций не является, судя по названию и основным видам деятельности, профильными участниками политики памяти (профессиональные союзы, различные патриотические структуры), а потому само направление «историческая память» во многом свелось к военно-патриотической деятельности. Это отражает яркую особенность государственной политики в сфере истории – воспринимать тему исторической памяти как направление патриотического воспитания. Такая политика ФПГ влияет на тактику и тематику работы различных НПО, для которых получение президентского гранта является не только вопросом финансирования, но и вопросом легитимации в глазах местных властей.

В 2010-е годы празднование *Дня Победы* стало принимать все более масштабный характер и превращаться в гражданский культ, что отчасти определено *формированием нескольких федеральных акторов*, аффилированных с государством и призванных масштабировать в региональном измерении однотипные мероприятия: «Волонтеры Победы» (с 2015 г., проведение акций с привлечением активистов из молодежной среды), движение «Бессмертный полк» (фактически с 2014 г., организация одноименных маршей во взаимодействии с официальными структурами), «Поисковое движение России» (с 2013 г., зонтичная организация по поддержке поисковых отрядов). В 2019 г. совместно с Администрацией

Президента и Следственным комитетом «Поисковое движение России» инициировало проект «Без срока давности», посвященный теме нацистских преступлений на территории СССР, что позволяет дополнить доминирующую героико-патриотическую интерпретацию Великой Отечественной войны трагической составляющей («советский народ» не только победитель, но и «ключевая жертва»). Содержательно эта деятельность выражается в проведении серии экспедиций на места расстрелов, в публикации малоизвестных и неизученных в полной мере комплексов документов (как на специализированном сайте¹, так и в виде книжных изданий), а также в поддержке тематических исследований и организации научных дискуссий, что способствует развитию межрегиональных связей историков. На символическом уровне все это должно поддержать общий тезис о «геноциде советского народа»².

Таким образом, мы можем сделать ряд промежуточных выводов относительно того, каким образом государственная политика памяти, реализуемая на общенациональном уровне, ищет точки соприкосновения с регионами. Несомненно, за последние 10 лет был проделан большой путь по углублению ее связности, развитию сетевых (а не жестко-иерархических) методов работы, однако акцент делался на диверсификации механизмов, количественном расширении (больше памятников, поисковых экспедиций и пр.), но вовсе не на идейном развитии и возвращении новых подходов к мемориальной культуре с учетом вызовов XXI века.

Тот факт, что выше мы писали именно о государстве и связанных с ним организациях, не должен удивлять: это является отражением более общей тенденции огосударствления различных сфер жизни российского общества и нарастания рентных отношений. Получение средств на свои проекты за счет причастности к федеральным государственным организациям или инициативам – тоже разновидность ренты. Потому борьба нарративов и конфликтные сюжеты вытесняются на периферию, а поскольку федеральный центр интересуется узким набором сюжетов, то и реальная форма – это масштабирование и синхронизация, а не смысловое развитие.

¹ Без срока давности. – URL: <https://безсрокадавности.рф/>

² Суд впервые признал геноцид советского народа нацистами в Жестяной Горке // Известия. – 2020. – 27.10. – URL: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-vpervye-priznal-genotcid-sovetskogo-naroda-nacistami-v-zhestianoi-gorke>

Схожим образом действует и РПЦ, пожалуй, самый влиятельный негосударственный, но также приближенный к власти федеральный игрок на поле «актуальной истории». Помимо масштабирования храмов и памятников общенациональным святым (более 60 памятников Петру и Февронии; десятки храмов, освященных в честь Александра Невского), она активно включается в формирование региональных идентичностей и имеет карт-бланш на увековечение жертв политических репрессий (на начало 2020-х годов в честь новомучеников освящено 166 храмов). Эти темы в федеральном центре воспринимаются в качестве «опасных», поскольку сильные региональные идентичности видятся идеологической основой сепаратизма, а сохранение памяти о репрессированных неизбежно ведет к постановке вопроса о формах политической ответственности. В обоих случаях РПЦ предлагает те интерпретации, которые сглаживают потенциальные конфликты, а тему репрессий «политически санирует» (невинно убитые предстают икупительными жертвами за предыдущие преступления, а вопрос ответственности государства переводится в пространство метафизики и посмертного Божьего суда¹), параллельно «взамен» получая серьезную политическую поддержку в виде реституции церковной собственности и финансирования новых историко-мемориальных проектов. Особый интерес здесь представляет изначально связанная с церковными структурами система парков «Россия – моя история», число которых уже достигло 24-х. В них каждый из 11 обязательных залов, помимо общего, для всех одинакового нарратива, содержит местные интеграции, отражающие специфику истории, культуры и этнического состава региона, в котором парк расположен.

Предложенный нами анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, признавая важную роль, которую играют административные структуры в политике памяти, нельзя слепо следовать административному делению при определении «регионального» и «локального». «Федеральное» и «региональное» – это прежде всего категории, которые характерны для мышления самих мнемонических акторов, однако исследователь должен проблематизировать эти категории и их роль в политике памяти. Во-вторых, важно дополнить общенациональный и региональный масштаб мезорегиональным уровнем, позволяющим анализиро-

¹ Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? – Москва : Дело, 2021. – С. 122–124.

вать политику памяти в рамках кластеров, объединяющих несколько субъектов федерации. В-третьих, деление мнемонических акторов на общедофедеральных, с одной стороны, и региональных или локальных, с другой, часто не работает. Нужно обратить специальное внимание на сети, которые связывают различных акторов и на механизмы их взаимодействия.

Задачи и структура монографии

В целом предлагаемая читателю монография представляет собой первый, но весьма значительный шаг в решении задачи описания и анализа политики памяти в ее региональном аспекте, но в масштабе всей России. Она рассматривает регионы от Калининграда до Дальнего Востока, от Кавказа до Санкт-Петербурга и Пскова.

В большинстве глав рассмотрены мезорегионы, включающие три и более субъекта федерации. Принципы построения таких мезорегионов всегда эксплицируются. Одна глава рассматривает всего два субъекта – Санкт-Петербург и Ленинградскую область, которые, несомненно, составляют тесно связанную пару с огромным полем взаимосвязанных тем политики памяти, но при этом демонстрируют очень разные подходы к этой проблематике. Еще одна глава посвящена исключительно Калининграду и области, но показывает политику памяти в эксклаве в сравнительном ключе.

В каких-то главах внимание сфокусировано почти исключительно на региональных столицах. Это чаще происходит в тех случаях, когда речь идет о небольших регионах, как, например, области центра России, в которых почти все ресурсы сконцентрированы именно в региональных центрах. В других главах в поле зрения авторов попадают несколько городов одного региона, что более типично для крупных, неоднородных и располагающих большими ресурсами субъектов федерации.

Авторы некоторых глав стараются дать сбалансированный обзор всего репертуара политики памяти. Другие главы жертвуют балансом ради преимущественного внимания к отдельным темам. Так, в главе о регионах юга России особое место отведено казачеству – и как актору, и как объекту политики памяти. В главе о Поволжье неожиданной сквозной темой оказываются претензии региональных центров на своеобразную «столичность» общегосударственного масштаба. Нижний Новгород, Казань, Самара, Ижевск – каждый из этих региональных центров предлагает нар-

ратив своей особой роли в жизни страны. В индустриальных центрах Урала и Сибири естественным образом особое внимание уделено памяти о промышленном развитии и о роли тыла в Великой Отечественной войне.

В книгу включены три главы, построенные по тематическому, не пространственному принципу. Е.Ф. Кринко рассматривает лишь один, но весьма сложный и многоплановый сюжет политики памяти в республиках Кавказа – учебники регионального компонента (А.И. Миллер дополняет этот анализ обсуждением региональных учебников как одного из аспектов политики памяти в регионах юга России). В.В. Лапин и А.Б. Матисова рассматривают сооружение памятников как особую сферу региональной политики памяти. Д.О. Хлевнюк рассказывает о региональной специфике памятования «трудного» прошлого – советских лагерей и депортаций.

Значительная часть работы над книгой была выполнена во время ковидных ограничений, что выдвинуло экспертные полуструктурированные интервью на первый план. По каждому региону мы старались брать как минимум три интервью, что позволяло сохранять критическую дистанцию по отношению к оценкам отдельных экспертов. Эти интервью в дальнейшем кодировались, что позволяло делать сквозные запросы к сформированной базе данных. При ссылке на интервью в книге указывается код региона по ОКАТО (общероссийский классификатор административно-территориальных образований) и номер эксперта среди проинтервьюированных экспертов данного региона. Так, Э-28-01 означает, что это первый эксперт, у которого было взято интервью в 28-м регионе, т.е. в Тверской области. Эксперты называются по имени в том случае, если они дали на это специальное разрешение. Вместе с тем все авторы также совершили экспедиции в рассматриваемые регионы, посещая ключевые музеи, парки «Россия – моя история», мемориальные комплексы и другие места памяти, проводя уже офлайн дополнительные интервью¹.

Разумеется, при подготовке книги широко использовались интернет-ресурсы, в том числе официальные документы федеральных акторов и региональных администраций, а также посвященные региональной политике памяти научные исследования, учебники и учебные пособия.

¹ В случае Калининграда, а также Санкт-Петербурга и Ленинградской области авторы являются «аборигенами».

Важную роль в книге играет сравнительный подход, причем как внутри отдельных глав, так и поверх кластерных границ. Тем самым создана основа для картирования мнемонического ландшафта России, позволяющая фиксировать динамические изменения в политике памяти как на федеральном, так и на региональном уровнях, выявлять специфику работы с прошлым с фокусом на системы и механизмы взаимодействия федеральных, региональных и локальных акторов, а также на региональные институты политики памяти. Особый, и специфически трудный для изучения аспект темы, который лишь фрагментарно затронут в книге, но может быть успешно исследован на основе предложенного нами подхода – влияние фактора этничности на региональную политику памяти. Также в сравнительном ключе затронута тема влияния трансграничных воздействий на мнемонический ландшафт в регионах с особым территориальным расположением и / или социокультурной спецификой. Она тоже требует более подробного изучения в условиях резкого обострения международной обстановки.

Книга, в определенном смысле, представляет собой площадку эксперимента, где в рамках общего сравнительного подхода, основанного на анализе институтов, акторных взаимодействий и нарративных стратегий, авторы адаптируют свои исследовательские подходы к специфике изучаемых мезорегионов. При том что во всех главах в фокусе внимания сохраняются проблема масштабирования и акторный подход, о которых шла речь во введении, и репертуар политики памяти, о котором мы поговорим подробнее в заключении.

ГЛАВА 1

«В ПОИСКАХ РУССКОЙ ДРЕВНОСТИ»: ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

(*К.А. Пахалюк*)

Введение

Настоящая глава посвящена субъектам Российской Федерации, выступающим ее «историческим центром» и способным стать выразителями той «непрерывной 1000-летней истории российского государства», о которой еще в 2005 г. говорил президент В.В. Путин. Отталкиваясь от этого тезиса, мы предположили, что первостепенное внимание следует обратить на те города, которые потенциально обладают этой самой «долгой историей» и могут служить воплощением «русской древности» (каким бы нагруженным, аморфным и противоречивым ни было это понятие!). Отсюда отбор конкретных городов и регионов должен мотивироваться не столько самой политикой памяти, сколько объективными факторами, в частности – датой основания. В качестве точки отсечения мы выбрали эпоху Ивана Грозного, когда завершилось формирование единого Русского государства. Соответственно, круг областных центров, основанных до 1584 г., сузился до 16: Псков, Новгород, Киров, Вологда, Ярославль, Кострома, Владимир, Смоленск, Рязань, Тверь, Калуга, Тула, Брянск, Орел, Курск и Нижний Новгород (последний в монографии рассматривается в главе о средневолжском мезорегионе). Речь идет о регионах с достаточно большим опытом совместной жизни в одном государстве (примерно 500 лет,

за исключением Смоленска) и однородных этнически (определившие себя русскими составляют более 91%)¹. Если Северный Кавказ формировался в условиях «оспариваемого пограничья», то здесь мы наблюдаем обратную картину – это исторический центр, политическая субъектность которого находится в далеком прошлом. По количеству населения эти регионы разбиваются на две группы: с численностью 600–750 тыс. (Костромская, Орловская, Новгородская и Псковская) либо около 1–1,2 млн человек (все остальные). Везде за последние 15 лет наблюдается небольшой спад в количестве жителей, что указывает на стагнацию социально-экономического развития и продолжение долговременного тренда депопуляции². А это дает основания предполагать и ограниченность средств для проведения активной политики памяти.

В первой части мы остановимся на изучении символических и институциональных механизмов, посредством которых федеральный центр структурирует взаимодействие с выбранными регионами. Во второй – перейдем к более детализированному анализу структуры историко-символического пространства. В последнем случае неоднородность и многообразие мезорегиона заставили нас ограничиться областными столицами – наиболее населенными городами, где сосредоточивается основная политическая, общественная и зачастую экономическая жизнь. Это, в свою очередь, позволяет выявленные тенденции использования прошлого признать доминирующими.

Мы вычленили объект исследования таким образом, чтобы в него вошли города, способные репрезентировать ту самую «русскую провинцию», противопоставленную «столице» и являющаяся для одних синонимом однообразия, отсталости и удушающей среды, а для других – местом обретения «подлинных национальных русских традиций». Канадский культуролог Людмила Парц обратила внимание, что последний взгляд характерен для дискурса национализма, причем такое осмысление провинции наиболее активно прорабатывалось деятелями культуры на излете двух империй – российской и советской, а в 1990-е годы «политики и бизнесмены обнаружили, что риторику провинциального мифа можно

¹ Национальный состав областей России 2021 (пер. 2010) // Statdata.ru. – URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-oblastei-rossii>

² Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

использовать в их собственных целях <...> они выстраивают новую воображаемую иерархию и провозглашают автономию и превосходство вместо былой зависимости и неполноценности»¹. Однако этот процесс преодоления чувства собственной неполноценности, свойственного для понятия «провинция», противоречив и далек от завершения. Изучая способы формирования региональной идентичности и регионального брендинга (в 2000-е – начале 2010-х годов), она писала, что «в то время как региональная идентичность по-прежнему подчинена национальной идентичности, которая еще только формулируется и обсуждается, в сфере культурного мифа провинциальное пространство остается некоей неопределенной нестоличной лакуной»². Собранный нами материал, впрочем, относящийся к 2010-м – началу 2020-х годов, во многом опровергает последний тезис.

На данном этапе мы обобщили информацию по 12 региональным столицам (Рязань, Тверь, Вологда, Ярославль, Кострома, Владимир, Калуга, Псков, Великий Новгород, Тула, Брянск и Смоленск). Поскольку Владимир теснейшим образом связан с Суздалем, формируя фактически единое историко-культурное пространство, мы были вынуждены включить и этот муниципальный центр в наш анализ. Ключевым методом стали полевые поездки продолжительностью 3–5 дней (2020–2022 гг.), предполагавшие осмотр памятников и музеев, их фотофиксацию, а также экспертные интервью (профессиональные историки, краеведы, руководящие работники сферы культуры), которые позволяют оценить общий контекст политики памяти в регионе. Обращение к официальным документам и материалам СМИ позволяло решать сопутствующие задачи, детализируя контекст.

Федеральный центр и регионы: институциональные механизмы сопряжения общенациональной и региональных исторических повесток

Как мы отмечали во введении к данной монографии, федеральный и региональный уровни невозможно разделить автоматически – перед нами сети взаимодействия разных акторов, пресле-

¹ *Парц Л.* В поисках истинной России. Провинция в современном националистическом дискурсе. – Бостон ; Санкт-Петербург : Academic Studies Press, 2022. – С. 106–107.

² Там же. – С. 106.

дующих собственные интересы. О тесном переплетении двух уровней свидетельствуют *практики прямого федерального присутствия*, что напрямую связано с деятельностью таких ключевых федеральных игроков на поле политики памяти, как Министерство культуры и Министерство обороны РФ, а также Российское военно-историческое общество (РВИО). Так, в нашем мезорегионе находятся 16 из 62 федеральных музеев, т.е. подчиняющихся федеральному министерству культуры, получающих от него финансирование и согласующих деятельность с ним, а не с региональными властями¹. Тематически они связаны с событиями военной истории² и биографией деятелей культуры XIX в.³ (в обоих случаях обладающими общенациональной известностью), а также с памятниками, синхронными эпохам позднего Средневековья и раннего Нового времени в Западной Европе (и тем маркирующими собою «русскую древность», которой придается общенациональный статус)⁴. В Ярославле, Владимире, Рязани, Великом Новгороде и Пскове именно в федеральном подчинении находятся основные государственные музеи, рассказывающие об истории региона. Они же оперируют известными памятниками культуры XII–XVII вв. Остальные областные музеи, за исключением тульского, не могут похвастаться таким наследием.

¹ Музеи // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: <https://culture.gov.ru/about/subordinates/muzei/>

² Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тульский государственный музей оружия.

³ Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита»; Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”»; Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково»; Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Луговинское»; Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»; Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова.

⁴ Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник; Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник; Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник; Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода»; Псково-Изборский объединенный музей-заповедник; Государственный музей «Смоленская крепость».

В 2010-е годы в нашем мезорегионе также проявилась тенденция (пере)подчинения местных музеев федеральным, находящимся в Москве – Музею Победы и Государственному центральному музею современной истории России (ГЦМСИР). Первый прирост тремя новыми небольшими тематическими объектами: Музеем Калининского фронта¹ в дер. Хорошево Тверской области в 2017 г., Музеем Г.К. Жукова в Калужской области и музейно-информационным центром у Ржевского мемориала, превращаемого федеральными властями в значимое «место памяти» (оба – в 2020 г.)². ГЦМСИР в 2012 г. увеличился за счет мемориалов в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область), их передали из подчинения Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург). Тем самым сложная и имеющая ярко выраженное международное измерение память о жертвах политического террора³ в отношении польских военнопленных стала предметом особого федерального попечения.

Помимо выделения средств на реставрацию и обновление экспозиций в подведомственных учреждениях, в нашем мезорегионе федеральное министерство культуры реализовало три крупных музейных проекта: музейный комплекс «Куликово поле» (2012–2016 гг., Тульская область, д. Моховое); новое здание Тульского государственного музея оружия (само помещение строилось в 2000–2011 гг., постоянная экспозиция открылась в 2015 г. и достраивалась позднее); вторая очередь Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского в Калуге (2014–2021 гг.). Все три комплекса включают свои регионы в общенациональное пространство, эксплуатируя общезначимые героические страницы – развитие вооружения, победу над внешним врагом (Куликовская битва) и покорение космоса. Масштаб строительства, использование новейших музейных технологий, привлечение сильных команд историков, ориентация на развитие туристического потока – все это является отличительными чертами данных проектов.

¹ Получил известность под неофициальным названием «Музей И.В. Сталина».

² Этот информационный центр считается одним филиалом вместе с Музеем Калининского фронта. См.: Музей Победы. – URL: <https://victorymuseum.ru/about/filials/tjevskij>

³ Преимущественно политический характер определяется не только субъектом преступления, но и тем обстоятельством, что абсолютное большинство польских военнопленных были распущены по домам, а ликвидировали граждан Польши, которые были признаны политически опасными.

Однако содержательно они разнятся: если «Куликово поле» и Тульский музей оружия строятся на осознанном комбинировании общенациональных и региональных нарративов вплоть до их различия (и на протяжении более 25 лет являются успешными механизмами привлечения федеральных средств в интересах строительства региональной идентичности и поддержки местных культурных слоев), то Музей космонавтики в Калуге мы квалифицируем как общенациональный музей, локализованный в регионе.

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», образованный в 1996 г., создавался на протяжении нескольких десятилетий как общенациональный мемориал, правда, с очень сильным акцентом на образы «русскости» и православия. Коммеморация этого места восходит к началу XVIII в., а первый музей здесь появился в 1980 г., под 600-летний юбилей. Однако плохая изученность самого Куликова поля привела к принятию решения в Москве о продолжении его исследования¹. Разворачивающаяся научная работа способствовала становлению тульского археологического сообщества и стала основой для коммеморативных практик уже после 1991 г. Субъектами последних выступила целая группа акторов: федеральный центр (визуализация одной из ключевых героических страниц общенациональной истории), региональное правительство (привлечение федерального финансирования к располагаемым в регионе объектам культурного наследия, продвижение региональных нарративов), РПЦ (религиозные мотивы) и тульские сообщества археологов и историков-медиевистов².

На данный момент центральной частью музея-заповедника является комплекс в д. Моховое (2012–2016 гг.), где рассказ о литературном памятнике «Сказание о Мамаевом побоище» перетекает в репрезентацию современных знаний о самой битве. Другой комплекс находится в с. Монастырщино. С 2017 г. здесь действует экспозиция о формировании русского народа и его истории до 1380 г. Также музей-заповедник имеет филиалы в самой Туле: в одном из них в 2015 г. открылась интерактивная экспозиция, посвященная Дмитрию Донскому и Куликовской битве, адаптированная под детское восприятие. Стоит обратить внимание и на

¹ Наумов А.Н., Бурова О.В. Тайны и загадки поля битвы. Современные историки и археологи о Куликовом поле. – Тула, 2019. – С. 18.

² См. подробнее: Тульская историко-культурная энциклопедия / отв. ред. Е.В. Симонова. – Тула : Дизайн-коллегия, 2018. – С. 288–290.

практики привнесения общенационального звучания: в начале 2000-х годов в рамках комплекса в с. Монастырщино была создана Аллея памяти и единства (памятник Дмитрию Донскому, обустройство могилы красноармейцев, погибших здесь в 1941 г., а также памятные знаки от городов-участников Куликовской битвы). В музее в д. Моховое Куликовская битва представлена на фоне других знаковых сражений – Бородинской битвы 1812 г. и Прохоровской битвы 1943 г. Здесь же разбит дендропарк «Парк России», представляющий растения и деревья из разных регионов страны. Вместе с тем куда более сильно звучат все же православные практики увековечения. Так, в подчинении музея находится комплекс на Красном холме: памятник-колонна Дмитрию Донскому и храм преп. Сергия Радонежского, построенные еще в XIX в. В 1993 г. у так называемого Прощеного колодца, где по преданию Дмитрий Донской омывал раны своих воинов, построили часовню. Еще одна часовня, в 2014 г., появилась на месте слияния Дона и Непрядвы. В этом же году у Красного холма возвели памятник «Благословение князя Дмитрия Донского на битву преподобным Сергием Радонежским»¹. Собственно региональные нарративы отразились в филиалах, открытых в 1990-е годы, т.е. до описанной выше масштабной коммеморации Куликовской битвы: в 1997 г. музею переподчинили муниципальный музей «Тульские древности», где в 1999 г. обновилась экспозиция о тульских мастерах XVI–XVII вв.; в 1998 г. в Епифани появился Музей купеческого быта.

Тульский музей оружия вырос из заводского музея, открывшего в 1989 г. постоянную экспозицию в Богоявленском соборе Тульского кремля. В 1996 г. музей получил федеральный статус, после чего и началось его развитие – строительство нового здания (в форме древнерусского шлема) и формирование постоянной экспозиции. Несмотря на общенациональное позиционирование, сам музей в большей степени отражает усилия Тульского оружейного завода, нежели аналогичных производств по стране. Масштабная экспозиция, построенная почти исключительно на демонстрации образцов вооружения, фактически сведена к истории развития стрелкового оружия с XVII в. до наших дней. Даже когда речь заходит о мультимедийных экранах, реконструкции боевой обстановки и пр., все равно в центре находятся не люди, а «механизмы для убийств».

¹ Тульская историко-культурная энциклопедия. – С. 290–300.

Последние залы с ориентированными на детей симуляторами современных образцов техники доводят игроизацию войны до предела.

Рис. 1. Из экспозиции Тульского музея оружия

Совсем иным предстает Музей космонавтики в Калуге (см. рис. 2). Старая экспозиция была открыта еще в 1967 г., однако в конце апреля 2021 г. добавилось новое здание с действительно масштабной экспозицией, которая полностью переворачивает смысловое значение этого места. Хотя выбор места определяется региональной привязкой (здесь жил и работал К.Э. Циолковский), мы имеем перед собой федеральный – именно по содержанию – музей, локализованный в регионе (в описанных выше тульских музеях скорее иной подход – игра на неразличении между региональной и федеральной повестками). Об этом свидетельствует структура выставочного пространства: рассказ о мировой истории попыток освоения космоса переходит в развитие ракетно-космической мысли России и СССР (старая экспозиция), а затем продолжается повествованием о современных достижениях с весьма серьезным акцентом на международном космическом сотрудничестве и зарубежных космических программах. Лидерство нашей страны в этой области не сопровождается забвением чужих заслуг. Этот музей сложно назвать последовательно и линейно нарративным, скорее он направлен на эмоции и погружает посетителя в

мир космической экзотики. Учитывая тематическую переключку с домом-музеем К.Э. Циолковского и относительно новым музеем А.Л. Чижевского, мы можем говорить о сочетании локальных, национальных и глобальных нарративов¹.

Рис. 2. Фрагмент экспозиции Музея космонавтики. Калуга, 2021

Другим федеральным ведомством – постоянным игроком на поле политики памяти, постепенно проникающим в регионы, является Министерство обороны. В его подчинении на данный момент находятся 14 музеев, разбросанных по всей стране². Общая тенденция последнего десятилетия заключалась в централизации управления. Также в региональном измерении стали масштабироваться историко-деловые развлекательные парки «Патриот»³. В настоящее время речь идет о нескольких десятках строящихся, реконструируемых или запланированных проектов по всей России, однако официальная обобщающая информация отсутствует. В на-

¹ Представляется, что за пределами нашего мезорегиона таким потенциалом обладают также Калининград (тема освоения мирового океана) и Екатеринбург (Ельцин-центр).

² Музеи // Министерство обороны Российской Федерации. – URL: <https://sc.mil.ru/social/culture/museums.htm>

³ Плинер К. «Патриоты» в России: что с филиалами военно-патриотических парков // Регнум. – 2018. – 22.10. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2505103.html>

шем мезорегионе первый парк «Патриот» открылся в Туле в 2018 г. (см. рис. 3), а согласно сообщениям СМИ на конец 2021 г., решается вопрос о создании аналогичных учреждений в Рязани и Курске¹.

Рис. 3. Фрагмент экспозиции в Музее обороны Тулы (региональный парк «Патриот»)

Следующая практика прямого присутствия федерального центра в регионах связана с реализацией крупных мемориальных проектов, которые по задумке властей призваны стать общенациональными символами. Как правило, таковые локализуются в Москве, реже – в других регионах. В выбранном нами мезорегионе к ним можно отнести два масштабных проекта начала 2020-х годов. Первым был создан Ржевский мемориал, открытый в 2020 г. усилиями Союзного государства Россия – Беларусь, РВИО и Министерства культуры РФ. Если Родина-мать в Волгограде символизирует народный подвиг, памятник советскому солдату в Трептов-парке – освободительную миссию, то этот монумент – само-

¹ Границы Рязани планируют изменить для создания парка «Патриот» // Медиярязань. – 2021. – 18.03. – URL: <https://mediaryazan.ru/news/detail/488488.html> ; В Курской области появится военно-патриотический парк культуры и отдыха «Патриот» // Администрация Курской области. – 2019. – 26.07. – URL: <https://kursk.ru/news/37023-v-kurskoy-oblasti-poyavitsya-voenno-patrioticheskiy-park-kultury-i-otdykha-patriot-sozdannyy-po-anal/>

пожертвование. Открытие состоялось в 2020 г. с участием президентов В.В. Путина и А.Г. Лукашенко. Значимость для федеральной повестки этого мемориала определяется тем, что курирующий историческую политику помощник президента В.Р. Мединский сделал его одной из своих «визитных карточек». К маю 2021 г. произошло дополнительное инфраструктурное расширение – усилиями РЖД была построена железнодорожная станция «Ржевский мемориал»¹. Действительно ли удалось сконструировать общенациональный образ на данный момент судить рано, однако примечательно, что по официальным данным, за год его посетили более 2 млн человек², а при создании экспозиции от граждан были приняты несколько тысяч фотографий участников тех боев³. По утверждению опрошенных нами тверских экспертов, тема боев под Ржевом является значимой для жителей региона, однако региональные власти предпочитают сосредотачиваться на более «удобных» событиях, таких как освобождение Калинина, оставляя Ржев в стороне [Э-28-01; Э-28-03]. Второй масштабный мемориал связан с празднованием 800-летия Александра Невского в 2021 г. Наиболее значимый для федерального центра мемориальный комплекс появился в Псковской области на берегу Чудского озера и получил название «Князь Александр Невский с дружиной». Он был создан усилиями Министерства обороны РФ, РВИО и РПЦ (в частности, выделяется фигура митрополита Псковского и Порховского Тихона (Шевкунова)), а участие в его открытии принимал В.В. Путин.

Таким образом, практики прямого присутствия федерального центра расширяются, однако все же носят ограниченный характер и в случае с музеями остаются одной из форм взаимодействия с местными культурными и политическими элитами.

Как отмечалось во введении, в 2010-е годы федеральный центр стремился придать проводимой политике памяти общероссийское звучание, т.е. различными методами увязать федеральное

¹ «Ласточки» связали Москву с Ржевским мемориалом // Российское военно-историческое общество. – 2021. – 06.05. – URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-8121>

² Порядка двух миллионов человек посетили Ржевский мемориал за год с момента открытия // Российское военно-историческое общество. – 2021. – 30.06. – URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-8268>

³ Сбор фотографий для ржевского мемориала продолжается // Ржевский мемориал. – 2020. – 07.07. – URL: <https://rzhev.histrf.ru/news/sbor-fotografij-dlya-rzhevskogo-memoriala-prodolzhaetsya>

и региональное измерения, локализуя «федеральную повестку» на местах или придавая «региональным» компонентам общенациональную значимость. Примечательно, что в отношении нашего мезорегиона два наиболее последовательных механизма **символической интеграции** привели к выделению военной и / или средневековой составляющих истории. Во-первых, наиболее последовательно историческая унификация продвинулась в сфере среднего образования, о чем мы писали во введении. История изучаемого нами мезорегиона включена в него неравномерно, преимущественно через сюжеты средневековой и военной истории, сводящиеся к двум топосам: включение / исключение из состава единого русского государства и места сражений с внешними врагами. Другим механизмом стало формирование «почетных исторических перечней» – расширение списка дней воинской славы и памятных дат, закрепляемых в ФЗ № 32¹, присвоение Президентом РФ отдельным городам почетных званий Города воинской славы (с 2007 г.) и Города трудовой доблести (с 2020 г.). Анализ этих перечней (на весну 2022 г.) показывает, что в глазах федерального центра изучаемый нами мезорегион опять же востребован как носитель военной истории. Этот же вывод верен и относительно перечня дней воинской славы и памятных дат (общий список также «воинственен»: из 34 наименований 26 отсылают к войнам)². Формируемое этими практиками «символическое единство» оказывается пористым, т.к. не все субъекты федерации представлены равномерно, что внутренне противоречиво (как если бы не все граждане РФ были одинаково причастны к трудовой и героической славе!) и стимулирует региональные правительства лоббировать «свои события». В частности, на протяжении 2010-х годов власти Калужской области неоднократно пытались включить в качестве памятной даты 11 ноября, день победы в «стоянии на Угре». Этот вопрос в

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2020 г.) (база данных законодательных актов «Континент»).

² Обратим внимание, что Москва и Московская область представлены тремя событиями (5 декабря – контрнаступление 1941 г., 7 ноября – парад на Красной площади, 8 сентября – Бородинское сражение), Санкт-Петербург и Крым – двумя (Октябрьская революция и снятие Блокады; 28 июля – День Крещения Руси, и 19 апреля – День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи).

2019 г. рассматривался в Государственной Думе¹, однако ввиду возникшего скандала (в т.ч. и с участием властей Татарстана) не был решен положительно. Лоббистские усилия калужских властей, на наш взгляд, демонстрируют вполне очевидную прагматику: символическое признание значимости даты могло стать дополнительным и вполне весомым аргументом для привлечения федерального финансирования на тематические историко-туристические проекты. Так, с 2017 г. 11 ноября является памятной датой в Калужской области, а с 2019 г. село Дворцы получило региональный статус «Рубежа воинской славы», здесь же проводится и культурно-исторический фестиваль «УграФест»².

Ограниченность федеральных методов символической интеграции восполняется акцентом на **институциональное строительство** в сфере исторической политики. С точки зрения «жесткости управления» можно выделить несколько групп.

Во-первых, это *координирующие комиссии*, формируемые к той или иной юбилейной дате и предполагающие проектные (т.е. ограниченные по времени, месту и средствам) формы работы и финансирования. Среди заметных следов «общенациональных юбилеев» можно отметить восстановление дореволюционной колонны в честь народного ополчения 1812 г. в Великом Новгороде (правда, не на центральной площади, а на окраине), открытие в Рязани музея А.И. Солженицына (в 2018 г. отмечалось его 100-летие), а также масштабную реконструкцию Тульского кремля (в 2016 г. В.В. Путин подписал указ о праздновании его 500-летия).

К этой категории мы относим и проект «Без срока давности» (с 2018 г., см. введение), направленный на увековечение жертв нацистских преступлений и отличающийся куда большей устойчивостью и последовательностью, что определяется прямым контролем со стороны Администрации Президента. В одно из ключевых мест памяти федеральные игроки попытались превратить мемориал Жестяная Горка под Великим Новгородом. Во время оккупации в этой деревне дислоцировался карательный отряд, сюда свозили и расстреливали арестованных граждан из прилегающих районов.

¹ Шулепова Е. День Стояния на Угре может стать государственной памятной датой // Российская газета. – 2019. – 14.07. – URL: <https://rg.ru/2019/07/14/reg-cfo/den-stoianii-na-ugre-mozhet-stat-gosudarstvennoj-pamiatnoj-datoj.html>

² 11 ноября в Калужской области отмечают региональный праздник // Российское историческое общество. – 2020. – 11.11. – URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/kaluga/novyj-regionalnyj-prazdnik-kaluzhskoj-zemli.html>

Историки называют разное количество жертв («не менее 2,6 тыс.», «не менее 3,7 тыс.»), однако несомненно, это далеко не самое крупное место массовых убийств на территории России. В 2019 г. здесь проходила поисковая экспедиция, которая обнаружила останки 521 человека¹. В 2020 г. состоялось их перезахоронение и при участии РВИО открытие мемориала, в дальнейшем его планируется дополнить информационным центром (музеем). Одновременно в октябре 2020 г. Солецкий народный суд Новгородской области квалифицировал убийства в Жестяной Горке в качестве акта «геноцида народов СССР»². Тем самым параллельно с оформлением памятного места был создан юридический прецедент признания данного определения – «геноцид советского народа» – в качестве легитимного. Обратим внимание, что все же «центральный» мемориал жертвам нацистского террора, мемориал, не уступающий по размахам Ржевскому, будет открыт в 2023 г. в Гатчине, под Санкт-Петербургом. Отсутствие внятных исторических объяснений выбора места заставляет предположить, что решение мотивировалось близостью именно ко «второй столице».

Следующий способ взаимодействия, только на первый взгляд близкий к описанному выше, состоит в праздновании *юбилеев основания городов*: значимость даты признается указом президента, и федеральный центр выделяет значительное финансирование на инфраструктурное и экономическое развитие, включая историческое наследие. Тем самым манифестация древности перед федеральным центром и представление региона в качестве оплота русской государственности становятся моральным аргументом в конкуренции за дополнительные федеральные средства, что, по нашему мнению, уместно квалифицировать как вариант рентного поведения³. В 2003 г. отмечалось 1000-летие Пскова (в историческом плане это повлекло за собой установку двух памятников св. княгине Ольге, восстановление часовни в ее память, реставраци-

¹ Колотушкин В.Г. Жертвы Жестяной Горки (новые данные из документов государственных архивов Новгородской области) // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / под ред. К.А. Пахалюка. – Москва : Яуза, 2021. – С. 157–170.

² Суд впервые признал геноцид советского народа нацистами в Жестяной Горке // Известия. – 2020. – 27.10 – URL: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-pervye-priznal-genocid-sovetskogo-naroda-nacistami-v-zhestianoi-gorke>

³ См. подробнее: Фишман Л.Г., Мартянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

онные работы в храмах и кремле, а также в здании вокзала, около которого появилась часовня в память отречения Николая II¹); в 2009 г. – 1150-летие Великого Новгорода (более 3 млрд рублей выделены на реставрацию ансамблей кремля, Ярослава дворища и благоустройства Рюрикава городища)²; в 2010 г. – 1000-летие Ярославля (на протяжении 2000-х годов за федеральный счет осуществлялись комплексная реставрация храмов XVII в., работы по сохранению зданий Ярославской Большой мануфактуры, разбивка парка 1000-летия Ярославля); в 2013 г. – 1150-летие Смоленска (частичная реконструкция набережной и крепостной стены, памятник князю Владимиру; однако значительная часть средств освоена не была, равным образом запланированные монументы в честь городского юбилея и меценатов Тенишевых до сих пор не построены³).

Естественно, что в скобках мы выделяли наиболее значимые и долгосрочные проекты по преобразованию «инфраструктуры памяти», в то время как на практике количественно доминировали мероприятия фестивального типа, а львиная доля средств все же шла на не связанные с историей цели. Древность оказалась не более чем привязкой и способом объяснить, почему именно эти, а не другие города имеют право на дополнительное финансирование. Масштабное празднование «древних юбилеев» наследует позднесоветской традиции прославления древности городов даже при отсутствии на это весомых оснований. Показателен здесь Владимир, который в 1958 г. праздновал 850-летие, а в 1992 г. – уже 1 000-летие. Хотя в 1985 г. в Брянске к 1000-летию юбилею даже установили памятный знак на месте, где предположительно и был заложен город (Чашин курган), археологическая обоснованность

¹ *Маркова М.Т., Кускова С.В.* Псковская область сегодня. – Псков, 2005. – С. 20. Весьма показательно, что в 1987 г., согласно воспоминаниям В. Потресова, бывшего в тот момент журналистом «Огонька», само предложение как-то отметить памятной доской это событие вызвало резко негативную реакцию у региональных властей города. См.: *Потресов В.* Тако в нас написано в летописцах... Псковский край : очерки, портреты, дневники. – Великие Луки, 2012. – С. 46.

² Реставрация памятников истории и культуры Великого Новгорода // Правительство Новгородской области. – URL: <https://www.novreg.ru/press/news/press/19578/>

³ *Раичев Д.* В Смоленской области ликвидировано «юбилейное» управление // Российская газета. – 2013. – 22.12. – URL: <https://rg.ru/2013/12/22/reg-sfo/jubilee.html> ; *Гаврилов Е.* Пережитки прошлого... юбилея // Readovka.ru. – 2018. – 27.09. – URL: <https://readovka67.ru/news/37629>

этого заявления подвергается сомнению. Примечательно и то, что прилегающая территория до сих пор не получила развития (в виде дополнительных мемориальных объектов, инфраструктуры доступа и пр.). В 1995 г. 1000-летний юбилей отпраздновал и Белгород, не имея на то убедительных оснований¹.

Куда более «сильный» способ координирования предлагают федеральные акторы исторической политики, создающие сеть региональных отделений и тем самым – *механизмы лоббирования местных интересов перед центром и структурирования местной повестки под видение центра*. Наиболее заметная роль государством отведена Российскому историческому и Российскому военно-историческому обществам, а также Фонду президентских грантов.

По данным на апрель 2022 г. РИО обладало 53 региональными отделениями по всей России; в нашем мезорегионе они созданы везде, кроме Рязанской области. Отличительная особенность заключается в том, что главами отделений являются ученые-историки, деканы исторических факультетов или директора профильных институтов. Это позволяет не только выстраивать отношения с научной общественностью, но и поддерживать те проекты, в которые вовлекают школьников и студентов. РВИО в большей степени в регионах опирается на представителей общественности, бизнеса и политических элит, которые могли бы собственные проекты репрезентировать в качестве мероприятий общества и по мере возможности использовать дополнительный официальный статус – статус председателей региональных отделений – для отстаивания собственных интересов.

Взаимодействие по линии региональных отделений не является единственной формой присутствия данных федеральных акторов в регионах. В частности, РВИО наиболее известно широко развернутой военно-мемориальной деятельностью. В изучаемом мезорегионе реализованы 76 мемориальных проектов, включая аллеи героев в Костроме, Калуге, Старой Руссе, Жукове и серию бюстов в дер. Хорошево Ржевского района. Причем практически во всех случаях они дополняют другие виды работы с историей – обустройство местных музеев или поисковые экспедиции². Только

¹ Сиренов А.В. О феномене удревления городов в России постсоветского периода // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4(17). – С. 185–193.

² Зайцева гора в Калужской области до 2016 г. и Ржевский выступ – изначально ключевые места для организуемых Обществом экспедиций – уже затем стали местами приложения усилий в области монументальной пропаганды. На

16 памятников или мемориальных аллей расположены в региональных столицах, остальные – в муниципалитетах, в основном они либо посвящены местным героям, либо представляют обобщенные символы. Из этого следует, что большинство памятников нацелено на проработку даже не региональной, а локальной повестки, тем самым федеральный центр (в лице исполнительной дирекции РВИО) фактически возлагает на себя то, чем в теории должны заниматься муниципальные власти. Можно предположить, что изначальная инициатива принадлежала местным элитам, а потому данные памятники имеют смысл расценивать не как прямое федеральное присутствие, а как результат лоббирования и взаимодействия местных и федеральных элит. Концентрация усилий в одном месте, диверсификация практик при относительном смысловом однообразии, выбор неконфликтных сюжетов, привлечение преимущественно московских скульпторов – все это составляет отличительные свойства «монументальной пропаганды» РВИО в регионах. В определенной степени можно согласиться с тезисом М.А. Липман о всеядности государственной монументальной политики, опасаясь разве что тех страниц, которые связаны с государственными преступлениями и провалами¹.

Третьим значимым федеральным актором, нацеленным на структурирование активности местных элит, является Фонд президентских грантов. В нашем мезорегионе он отдавал предпочтение проектам военно-исторической или церковной направленности, связанным с событиями Великой Отечественной войны или предыдущими вооруженными конфликтами. С точки зрения локализации поддержку получали те мероприятия, проведение которых

первых порах именно РВИО создавало экспозиции Музея Калининского фронта в д. Хорошево (который затем «оброс» серией бюстов, включая бюст И.В. Сталина), музея Е.Н. Преображенского в Кириллове и резкспозицию Музея Г.К. Жукова в г. Жуков. Аллея героев-калужан появилась недалеко от военно-исторического центра «Маршал Победы – Георгий Константинович Жуков», филиала местного областного музея, возглавляемого региональным председателем РВИО. Единственным исключением является Кострома, однако здесь аллея героев находится напротив здания правительства.

¹ *Липман М.А.* Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. ст. / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 81–107.

имело либо общерегиональный, либо локально-муниципальный характер, а не ограничивалось только региональными столицами. Не имея пока возможности в полной мере оценить эффективность ФПГ с точки зрения поддержания локальных сообществ, занимающихся работой с памятью, мы должны признать, что оказываемая поддержка имеет значимость для частных музеев. Так, во Владимире она способствовала формированию частного Музея ложки; в Великом Новгороде выделенные гранты имели ключевое значение для становления, а затем и выживания в условиях пандемии одного из двух частных музеев города – Киномузея; в Костроме в 2020 г. грант на развитие экспозиции получил Музей костромского купца, который, по крайней мере, на тот момент представлял частное собрание различных предметов быта XVIII–XX вв., а сама экскурсия основателем сего хранилища (на август 2020 г.) строилась как рассказ о коллекциях и путях ее пополнения (на наш взгляд, выделение средств на то, что является наиболее уязвимым местом этот частного проекта, можно оценить исключительно положительно).

Подведем промежуточный итог. В нашем мезорегионе федеральный центр делал акцент в большей степени на диверсификации механизмов, обеспечивающих связность проводимой политики памяти, нежели на идейном развитии. Не культурные практики и воспроизводящие их «сообщества памяти», а институты и мемориальные объекты – вот что составляет предмет особого интереса. Наиболее востребованными оказались сюжеты, связанные с военным прошлым и «древним русским» культурным наследием. Последнее заставляет отчасти согласиться с Л. Парц, которая утверждала, что провинция, представленная как «хранилище русского национального духа», нужна властному дискурсу: на фоне нарастающих антизападнических настроений она собою репрезентирует то, что и составляет «превосходство России»¹. Выбранные тематические направления, действительно, при желании с легкостью включаются в антизападную риторику, однако изученный нами материал не позволяет заключить, что демонстрация антизападничества входит в число обязательных требований к регионам.

Тот факт, что выше мы писали именно о государстве и связанных с ним организациях, не должен удивлять: это является отражением более общей тенденции огосударствления различных сфер жизни российского общества и экспансии рентных отношений.

¹ Парц Л. В поисках истинной России. – С. 34–35.

Оборотной стороной тенденций, отмеченных во введении, является слабость негосударственных общефедеральных акторов политики памяти в рассматриваемом мезорегионе. Так, Вольное историческое общество остается «клубом по интересам» преимущественно московско-питерской интеллигенции (14 из 15 членов совета Общества). Активность региональных отделений общества «Мемориал» (государство признало его «иноагентом», а в 2022 г. принудительно ликвидировало) на протяжении рассматриваемого периода оставляла желать лучшего. Наиболее заметным исключением является выставка «Суздальская тюрьма. Летопись двухвековой истории», открытая в 2001 г. на территории Спасо-Евфимиева монастыря. Согласно вводной информации, она стала результатом работы фактически двух федеральных акторов – общества «Мемориал» и Владимиро-Суздальского музея-заповедника (подведомственное учреждение федерального министерства культуры). Действительно, ставший общефедеральным проект «Последний адрес» пока наиболее активно развивается в крупных городах (Москва и Санкт-Петербург, с большим отставанием – Екатеринбург и Пермь). В нашем мезорегионе лишь в Калуге установлены шесть табличек, в то время как в Туле – две, в Костроме, Пскове, Великом Новгороде и Твери – по одной.

Акторы политики памяти в региональных столицах Центральной России

Многообразие организаций, вовлеченных в процессы актуализации истории, требует поиска критерия для их изначальной классификации. В качестве такового мы взяли наличие автономных источников финансирования и на этой основе выделили три ключевые группы мнемонических акторов: государство (бюджет), общественные организации (пожертвования) и бизнес (коммерческая прибыль). Очевидно, что на практике они переплетаются, причем не только бизнес и общественные организации бьются за бюджетные средства, но и государство ищет партнеров, которые идеями или собственными деньгами могли бы вложиться в те или иные инициативы.

Наиболее крупным игроком остается **государство**, а именно региональные органы исполнительной власти, которые через управление бюджетными учреждениями культуры (прежде всего, музеи и библиотеки) структурируют работу профессиональных

сообществ, через субсидии и гранты – деятельность независимых общественных организаций, а взаимодействие с федеральным центром используют как способ привлечения дополнительного финансирования. Благоустройство, повышение туристической привлекательности, обеспечение сохранности памятников материальной культуры – именно эти три направления деятельности порождают определенные управленческие решения. Одним из их итогов и становится то, что уже мы, исследователи, можем концептуализировать в качестве исторической идентичности. Для привлечения средств бизнес-сообщества могут создаваться специальные фонды, так например, в Брянской области существовал фонд поддержки мемориального комплекса «Партизанская поляна» (2009–2017 гг.), а в Тульской – фонд «Тульский кремль» (2012–2020). Через них осуществлялось финансирование совершенно разных проектов, не только вынесенных в заглавие. В обоих случаях после смены губернаторов, при которых были образованы фонды, начали возникать серьезные скандалы относительно расходования средств, и эти структуры вскоре ликвидировали¹. Фактически фонды выступали в качестве механизма подконтрольного властям проектного (то есть ограниченного по целям) финансирования и не смогли стать долгосрочным институциональным инструментом – посредником между властями и бизнесом. Во всех изученных городах за последние 15 лет произошло полное или частичное обновление экспозиций областных музеев, увеличилось количество музеев (как самостоятельных, так и филиалов), в т.ч. и за счет частной инициативы. Другое направление – благоустройство исторического центра и различного рода публичных пространств (парки, аллеи, площади и пр.), сопровождаемое их активным насыщением различными «знаками истории» (от памятников и мемориальных табличек до информационных стендов и более изощренных методов, которые мы отметим ниже). Хотя решения в этой сфере, как правило, принимаются на основе внутренней экспертизы, отдельные результаты указывают, что некоторые ведомства, общественные и ветеранские организации оказываются достаточно успешными в лоббировании своих интересов. Если силовые ведомства (военные, а также МВД, Росгвардия, ФСБ, включая пограничников,

¹ Золотые купола. Кто рулит «Тульским кремлем» и сколько денег через него прошло // Tulactive.ru. – 2018. – 15.02. – URL: <https://tulactive.ru/news/100984> ; Брянская «Партизанская поляна» задолжала 1,34 млн. рублей за бронзовые бюсты // Город Брянск. – 2016. – 21.01. – URL: <https://gorodbryansk.info/2016/01/court-59/>

ФСИН) обычно ограничиваются памятниками, то холдинг «Российские железные дороги» имеет ведомственные музеи в Твери и Пскове, а здания вокзалов обставляются не только тематическими памятниками (как памятник одному из основателей современной Северной железной дороги Савве Мамонтову, 2008 г.), но и различными табличками и прочими мемориальными знаками, в т.ч. прославляющими династию Романовых (Калуга, Псков и Тверь). В Твери были реконструированы и императорские залы, ставшие самостоятельным музеем наряду с железнодорожным. Вероятно, последнее является отражением личных исторических пристрастий В.И. Якунина, который в 2005–2015 гг. управлял ОАО «РЖД».

Вторым субъектом выступают общественные организации, которые помимо господдержки могут опираться на пожертвования. В случае успеха краудсорсинга это делает их экономически автономными от государства. В нашем мезорегионе таковым игроком является **РПЦ**¹. Поскольку именно храмы и прочие церковные постройки являются одними из основных достопримечательностей рассматриваемых городов, то последовательная политика реституции фактически делает церковь ключевым игроком на поле публичной истории. Более того, именно православная церковь не только, как отмечалось во введении, получила карт-бланш на проработку памяти о политических репрессиях, но и в ряде регионов (Псков, Кострома, Тверь и Рязань) предложила властям набор практик, образов и нарративов для формирования новых региональных идентичностей.

Другим значимым игроком данного типа в нашем мезорегионе мы можем признать **сетевой проект «Том Сойер Фест»**. Он зародился в Самаре в 2015 г. усилиями общественной организации «За информационное общество», занимающейся вопросами городского развития. Суть проекта заключается в сохранении исторической среды, а ключевая практика – деятельность волонтеров по приведению в порядок старинной застройки, в основном деревянных домов, не имеющих статуса объектов культурного наследия. Распространение наработанного опыта и методов работы через обучающие материалы и семинары позволило уже спустя четыре года охватить 39 городов и сел по всей России, включая и относящиеся к центральному мезорегиону Тверь, Вологду, Рязань, Тулу, Калугу, Брянск и Кострому, т.е. преимущественно те города, где

¹ О федеральной составляющей политик памяти РПЦ см.: *Еремеева С.А.* Память. Поле битвы или поле жатвы? – С. 49–67.

сохранилась деревянная застройка XIX–XX вв. На наш взгляд, значимость инициативы определяется не столько масштабом (обустройство фасадов единичных домов), а постепенным формированием сообщества гражданских активистов, вовлеченных в градозащитную повестку. На сайте в качестве партнеров указаны только шесть частных компаний, причем пять относятся к строительному сектору¹. Хотя для многих активистов действительно важна независимость от внешних инстанций и организаторы культивируют дух горизонтального сотрудничества, что заставило некоторых исследователей увидеть в проекте «новый субъект городского диалога»², в действительности «головная организация» регулярно получает финансовую поддержку от государства – Фонда президентских грантов. За 2017–2021 гг. она составила 13,9 млн рублей. Отношение местных властей к волонтерам разнится город от города. Судя по опубликованным интервью с участниками Том Сойер Фест, в Костроме и Калуге оно отличается равнодушием, впрочем, в последнем координатор проекта сам признает, что против их вмешательства³. В Твери, наоборот, удалось выстроить сотрудничество⁴. В Вологде волонтеры решили спасти деревянный дом XIX в. фотографа Л. Раевского. В 2019 г. появились репродукции его работ, ставшие свидетельством культурной значимости незарегистрированного памятника истории (см. рис. 4). Однако в 2022 г. здание все равно снесли.

Третьим субъектом региональной политики памяти является **бизнес**, который может как включаться в деятельность общественных организаций или государства (теряя субъектность и превращаясь в спонсора), так и реализовывать собственные проекты. Из числа последних с точки зрения долгосрочного влияния на историко-культурную среду мы выделяем создание частных музеев, что стало значимой тенденцией и для нашего мезорегиона начиная

¹ Партнеры // Том Соейр Фест. – URL: <http://tsfest.ru/category/partners/>

² Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? – С. 141.

³ «Если города фестиваля выстроить в шеренгу, мы будем с краешку»: «Том Соейр Фест» в Костроме // Том Соейр Фест. – 2021. – 12.07. – URL: <http://tsfest.ru/если-города-фестиваля-выстроить-в-ше/> ; «Черный PR для фестиваля»: как «Том Соейр Фест» в Калуге пережил снос дома, восстановленного волонтерами // Том Соейр Фест. – 2021. – 27.05. – URL: <http://tsfest.ru/черный-рг-для-фестиваля-как-том-сойер/>

⁴ «Томы Соейеры» нашего времени. Как волонтеры сохраняют в Твери историческую среду // Афанасий. Бизнес. – 2021. – 05.08. – URL: <https://www.afanasy.biz/news/society/180297> (дата обращения: 04.04.2022).

с конца 2000-х годов¹. Наиболее активным их рост оказался не только в городах Золотого кольца – Ярославле, Костроме и Владимире, но и в других региональных столицах – Рязани, Вологде и Твери. Отдельные примеры таких музеев, впрочем, есть в каждом городе. В одних случаях речь идет, скорее, о туристических бизнес-проектах (например: костромские Музей сыра и Музей моды Снегурочки, интерактивный макет «Золотое кольцо» в Ярославле, Музей истории рязанского леденца или же исторический салон «Аромат времени» в Рязани, организованный местным экскурсоводом), в других – о попытках актуализировать частные коллекции оружия, кукол, ложек, моделей поездов и пр., в третьих – о заимствовании языка истории для позиционирования бизнеса в публичном пространстве. К таковым мы относим Музей Тверской игрушки, Музей-фабрику Большой ярославской мануфактуры, Музей ювелирного искусства в Костроме, Музей Большой костромской льняной мануфактуры, музеи связи в Твери и Смоленске. Для таких проектов – за вычетом тех, которые презентуют коллекции оружия, – характерна политическая деидеологизация и демилитаризация экспозиции, подчеркивание различных сюжетов из бытовой и промышленной локальной истории. Поскольку именно эти темы, а не «большие государственные нарративы» и «славные победы прошлого», привлекают бизнес-инвесторов, мы можем предположить, что это является отражением понимания запросов публики, т.е. потенциального спроса. А это, в свою очередь, иногда позволяет прорабатывать те темы, которые оказываются за пределами внимания государства. Так, костромской Музей ювелирного искусства при одном из ювелирных магазинов оказался единственным, где рассказывается о фактически каторжном труде рабочих в дореволюционный период, в частности – о крестьянах-кустарях, в XIX – начале XX в. занимавшихся тяжелым и вредным для здоровья изготовлением медных ювелирных изделий. Этот музей резко диссонирует с доминирующим в городе историческим пространством, прославляющим династию Романовых.

¹ Например, в регионах Северо-Западного федерального округа (отчасти мы его захватываем, поскольку анализируем Вологду, Псков и Великий Новгород) с середины 2000-х годов было открыто не менее 316 частных музейных проектов. См.: *Королев К.М.* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. – С. 199–212.

Рис. 4. Дом Л. Раевского в Вологде, 2020 г. (снесен в 2022 г.)

Естественно, роль частного бизнеса в актуализации истории не ограничивается только музеями. Наиболее ярко она проявляется в изготовлении сувенирной продукции, организации экскурсионной деятельности (а значит, маркетинговые стратегии сопряжены с популяризацией истории) и исторической стилизации кафе и ресторанов, причем здесь интересны примеры, когда обращение к истории не ограничивается названием заведения и наименованием блюд. Рестораны русской кухни типичны для всех изученных нами городов, однако наиболее последовательно этот образ был обыгран в Калуге, где трактир «Русские традиции» представляет себя в качестве «музея русской кухни и калужского теста». Выражено это не только в интерьере, но и в рассказах о гастрономических привычках дореволюционной Калуги – бизнес-стратегия ориентирована на то, чтобы посетитель почувствовал сопричастность городской старине. Другой пример представляет развлекательный комплекс «Лазурный» в Твери: банкетный зал обустроен экспозицией о Михаиле Круге, который любил бывать здесь. На туристических сайтах это также подается в качестве музея¹. В Ярославле в 2010 г. была открыта пивная «Афоня», стилизованная в советском стиле и отсылающая к одноименному фильму, который снимался в

¹ Музей Михаила Круга // Tourister. – URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/tver/museum/28674>